

Денис Фонвизин

Наставление дяди своему племяннику

Денис Иванович Фонвизин

Наставление дяди своему племяннику

«...Я почитаю за долг дяди остеречь тебя, мой любезный племянник, от сих нравоучительных вралей и преподать тебе тот способ достичь до счастья, которым я сам столь благополучен. «Будь добросердечен, благотворителен и трудолюбив», – говорил мне, умирая, мой покойный родитель...»

Содержание

Денис Иванович Фонвизин Наставление дяди своему племяннику	0004
#2	0013

Денис Иванович Фонвизин

Наставление дяди своему племяннику

«Философы и нравоучители исписали многие стопы бумаги о науке жить счастливо; но видно, что они прямого пути к счастью не знали, ибо сами жили почти в бедности, то есть несчастливы. Правда, что некоторые из них нажили великие богатства, но они в жизни своей поступали совсем иначе, нежели писали. И кто знает, не с умыслу ли они преподавали людям ложные правила к счастью, дабы одним им пользоваться философским камнем.

Я почитаю за долг дяди остеречь тебя, мой любезный племянник, от сих нравоучительных вралей и преподавать тебе тот способ достигнуть до счастья, которым я сам столь благополучен. «Будь добросердечен, благотворителен и трудолюбив», – говорил мне, умирая, мой покойный родитель. Я и был чистосердечен: говорил правду, обличал порок и невежество, хвалил угнетенное достоинство, имел

твердость говорить иногда истину и большим боярам. Был я также и благотворителен: малое имение мое охотно разделял с неимущими; иногда за бедных ручался, когда сам помочь не мог. А дабы прилепился я к учению и приобрел по возможности не последние пункты завещания родительского исполнить, которые знания, уповая, что они мне в свете пригодятся. Но, к крайнему сожалению, скоро усмотрел я, что худо разумел моего родителя или что он не знал большого света.

Чистосердечие мое произвело на меня великие гонения; им нажил я многих неприятелей. Благотворение довело меня в долги, а знания мои возбудили ко мне зависть и ненависть одного знатного невежды, который просвещение считал вредным для государства. Жестокая болезнь открыла мне наконец глаза, и я увидел неразумие моей системы. Все меня оставили. Неожиданная помощь одной человеколюбивой особы извлекла меня, так сказать, из челюстей смерти. Неприятели мои торжествовали. Друзья мои сами были небогаты; а знатные особы, кои увеселялись забавным моим нравом, когда я был здоров,

находили, может быть, настоящее положение мое забавным, ибо они оставили меня без всякой помощи. Как скоро стало мне легче – «перемени свою систему», – сказал я сам себе. И как всякий человек охотно из одной крайности в другую переходит, то решился я делать совсем противное тому, что прежде делал: что бранил, то стал хвалить; всякий знатный человек находил во мне защитника своему жестокосердию или глупости. С самого утра бегал я по передним знатных господ и не стыдился трусить даже и перед их камердинерами. Если кому дадут ленту или знатный чин, то у меня через полчаса поспевала ода, которую тем больше хвалили, чем меньше было в ней смыслу. Дамы тем более мною были довольны, чем бесстыднее выхвалял я красоту их и душевное достоинство. «G'est un bon diable», [1] – говорили обо мне знатные. «Он отнюдь не так опасен, как мы его считали», – говорили обо мне те, кои прежде пера моего боялись. «Il a beaucoup d'esprit», [2] – отзывались обо мне дамы.

Как скоро слух о перемене системы моей по городу распространился, то решился я ид-

ти на поклон к тому самому знатному невежде, который прежде был моим гонителем. Он предложил мне в отдаленной стороне место, к которому не имел я ни малейшей способности. Я ему признался в том. «Привыкнешь, друг мой, – отвечал он мне, – лишь будь скромн и не пиши стихов, которых я терпеть не могу. Станем жить дружно; старайся, чтоб я был тобою доволен, а я о тебе буду иметь попечение». Скоро я был определен к месту моему, и, невзирая на мое невежество, все удивлялись моему знанию и способности, что и не чудно, ибо предместник мой, по общему всех признанию, был во сто раз меня глупее и неспособнее. Льстивые похвалы мои, которыми бесстыдно осыпал я моих начальников, приобрели мне скоро их доверенность. Они избрали меня к произведению в действование некоторого нового проекта *относительно до необходимой в жизни потребности.*

Я взял в свои советодатели нашего секретаря и с помощью его нажил в полгода около пяти тысяч рублей, с которыми приехал в столицу. На другой день по прибытии моем поднес я две тысячи рублей супруге нового моего

покровителя, а прежнего гонителя. Мои две тысячи рублей произвели весьма полезное для меня действие. Покровитель мой расхвалил мое в делах знание и обещал мне свою милость.

В сие самое время один любимец знатного господина хотел выдать замуж свою любовницу, которая была на его содержании. Супруга прежнего моего гонителя, моя новая покровительница, в благодарность за мои две тысячи рублей, вздумала сватать меня на сей честной девушке и обещала мне в столице весьма выгодное место. Наблюдая новую мою систему, я согласился на сие предложение. Свадьба моя была великолепна. Благодетель жены моей сыграл ее на своем иждивении. А как молодая моя супруга была набитая дура, но превеликая красавица, то прежний друг ее не отменил к ней своей дружбы, и у меня исподволь народилось детей великое множество. Весьма выгодно иметь жену красавицу, ибо все знатные друзья так горячо пеклись о моем счастье, как надлежит добрым собственникам. Все мои неприятели исчезли; достаток мой умножился так, как будто бы было

над домом моим благословение божие. Я стал жить гораздо шире, давать обеды, балы и концерты, но звал только тех, от кого надеялся быть награжден щедро, так что пир, который стоил пятьсот рублей, приносил мне тысячи две. Скоро купил я каменный дом, а между тем, все жаловался на долги, и хотя жаловано мне было довольно награждений, но я разглашал себя в долгу неоплатном. Не довольно того, любезный племянник, что я оставил чистосердечие, но отучил себя и от добросердечия.

Сначала стоило мне труда слышать стон бедных с хладнокровием; но, поверь мне, сердце богатого человека скоро каменеет. Теперь я думаю, что мягкосердечный человек весьма богат быть не может.

Наконец я так привык к нечувствительности, что ниже помышлял о бедных людях. С книгами моими, составлявшими мое главное удовольствие, я совсем расстался.

Я потерял приятность в обхождении, вкус к хорошим вещам, и душа моя унизилась; но сие унижение души помогло к моему возвышению. Начальники мои, имевшие подлые

душонки, рады были иметь меня подчиненным. Ты видишь, любезный племянник, что пути к богатству, то есть к счастью, гораздо короче и глаже, нежели как болтают о том нравоучающие врали. Но буде ты в оном сомневаешься, то рассмотри своих сограждан и ты найдешь, что большая часть из них одолжена за свое богатство и знатность своему лицемерию, жестокосердию, невежеству и жепнам».

Я сожалею (и каждый читатель, без сомнения, со мною сожалеть будет), что во всем сродническом наставлении нет следа доброты, в которой земле жил сей богатоумслящий дядя; надобно, однако ж, думать, что не между нами: ибо где у нас люди, кои бы наживались при исполнении полезного установления *относительно* до первых потребностей в жизни? Богачей жестокосердых и глупых красавиц у нас также вовсе нет, как меня уверяют.

«Ты, мой любезный племянник, – продолжал дядя свое наставление, – должен видеть, как я старость мою теперь доживаю и приближаюсь к концу. Как скоро я обогатился и

стал жить порядочно домом, то начал чувствовать глас совести. Видя жену мою в беспутстве, должен я, по системе моей, терпеть все ее беспорядки. Я не мог сам от себя скрыть, что все добрые люди считают меня бездельником. Богатый мой дом стал для меня адом, и я, казалось, слышу стон бедных, кои я разорил злодейски. Наконец, на прошлой неделе был я на зрелище, которое вечно не выйдет из моей головы. Приятель мой Воров, умирая, призвал меня к себе. Я был свидетелем, как мерзкая душа его выходила из скандного тела. Тут узнал я справедливость сих слов: смерть грешников люта. Он в постеле своей терзался душевно гораздо сильнее, нежели иной вор страждет на площади. По исходе души его на всех лицах видно было удовольствие, смешанное с презрением к покойнику.

Чувствуя, что и мне умирать будет должно так же мучительно, переменил я опять свою систему и, слушая гласа совести, сколько можно удовлетворяю тех, кои от меня терпели, а тебя, любезный племянник, прошу, будь чистосердечен, но знай, что не всегда и вся-

кую истину говорить надобно. Будь благотворителем, но не расстроивай своего состояния. Будь трудолюбив и прилепляйся к учению, но не возмечтай о своей мудрости. Вот все то, чем я оканчиваю мое наставление».

Примечания

1

Он славный малый (*франц.*).

2

Он очень остроумен (*франц.*).